

Милые и простые

Денис Тихий

ФАНТАСТИКА

Сквош пригладил волосы и прыгнул с трека вездехода:

— Идет!

— Ни черта не вижу, — ответил Джек, водя биноклем по оранжевым зарослям.

— Ты мухи в стакане не увидишь, — ответил Сквош, вынимая из багажника картонную коробку.

Абориген подошел к вездеходу один. Ростом не выше пятилетнего ребенка. Кожа густо оранжевая, маслянистая, вся в шрамах и складках, словно сшитая из лоскутков. Геологи называли аборигенов «фрэглами». Огромные карие глаза, лягушачий рот, а вместо ушей — устья с подрагивающими мембранами.

Абориген провел трехпалой ладошкой по лицу и тихо квакнул. Сквош мазнул себя по лбу и щелкнул тумблером толмача.

— Приветствую тебя, брат, — сказал он.

Висящий на шее прибор выдал длинную чавкающую фразу.

— И тебе приветствую, — перевел толмач бормотание фрэгла. — Интересует здоровье тебя.

— Спасибо, здоров.

— Принесен ли ты товар — ценности — запас?

— Да. Смотри.

Сквош откинул клапаны коробки, абориген присел на корточки, заглянул.

— Не разберу — это тот же самый? — спросил Джек из кабины.

— Да кто же их...

Фрэгл бросил руку в коробку (так ловят дети мальков в ручье), добыл шарик розового стекла.

— Это дорогая вещь, — пояснил Сквош.

Джек фыркнул.

Абориген подумал, глянул сквозь шарик на Сквоша и восхищенно заквакал. Потом с шипением надорвал кожаную складку на груди, положил в нее шарик, пригладил лохмотья рукой и поднялся.

— Окончание, хватит.

— Десять, — сказал Сквош.

Абориген возмущенно клекотнул.

— Десять!

— Шесть, — перевел толмач.

— Брось жадничать! — сказал Сквош.

— Неправильно — много — мало!

— Девять давай!

— Непереводаемо.

— Восемь!

— Непереводаемо.

— Двенадцать! — крикнул Джек из кабины.

Абориген задумался, махнул рукой, проворно вынул из складки лохматый клубочек и перебросил Сквошу.

— Двенадцать.

Тут же повернулся к вездеходу спиной и канул в зарослях. Сквош плюнул в лужу.

— Никогда их не пойму. Восемь ему много, а двенадцать — хорошо.

— Мне Клюкала говорил, надо цену кратную шести называть.

— Вранье, — буркнул Сквош, влезая в вездеход.

Он уселся в кресло и разодрал клубок. В пушистом мху лежала дюжина красных окатышей.

— Закрой дверь. Смердит, как в покойницкой. Поехали отсюда.

— Нормально наварили, а?

— Еще погранцам отстегнем.

— Ну уж...

— Вообще — нормально. Хватает.

Джек сбросил со лба на нос темные очки и повернул ключ.

— Зачем им вся эта дребедень? А, Сквош? — Он пнул ногой картонный ящик.

— Почему я знаю. А вот зачем нам паучий жемчуг — рассказать?

— Сами с усами, — ответил Джек, и вездеход тронулся с места.

Мохоед посидел немного в кустах у озера. Он прильнул грудью к берегу и провел ладонью над самой водой. К растопыренным пальцам скользнула водомерка, принялась быстро-быстро крутить пузырьки из слюны и клеить Мохоеду на ладонь. Пузырьки лежали идеальным кругом. Было их двадцать. Совсем дурное предсказание, решил Мохоед. Он прижал руку к подмышке, где в кожной складке лежал тотем его дерева — фиолетовая раковина свистушки. Постоял немного, прислушиваясь к неспешному зову тотема, и вошел в лес.

«Глупцы тропу не меняют», — говорил Увалень. Охотник он был самый лучший. Крыша его дома всегда покрыта свежими жаберными пластинами. Он девять раз кряду входил в дом Ткущей Свет. У него двенадцать самок, и все лоснятся от жира. Вот и нынешним Испытанием руководит Увалень.

Давеча было так. Старый, глава Деревни, стукнул ногой в дерево Мохоеда и сказал:

— Мохоед, выходи.

Мохоед выбрался из дупла. Старый сидел на пенке, самка чесала ему спину.

— Что принесешь ты сегодня к общему столу? Хлебные грибы?

— Нет, Старый.

— А, наверное, сочную желтую рыбу?

— И не рыбу. Я принесу...

— Погоди-погоди, сам угадаю! Сладкие клубни? Крылья дикой жабы?

— Я набрал съедобного мха.

— Мох! Опять мох. Его никто не ест.

— Я ем.

Старый взмахом руки прогнал самку, встал с пенки и покачал головой:

— Деревня ропщет. Мы даром тебя кормим.

— Но я же носил грибы!

— А где они сейчас? Может быть, не сезон?

— Сезон. Ты же знаешь, Старый, на холме поселилась Ткущая Свет. Не родятся там грибы.

— Знаю. Мырло сказал, что ты добыл паучий жемчуг.

— Добыл.

— Ступай к Двухголосым. Поменяй его на тотем гнезда Ткущей Свет. Вернись обратно...

— Ты предлагаешь мне пройти Испытание?

— Предлагаю? Нет, я тебе повелеваю.

Испытание заключалось в том, чтобы принести тотем гнезда в дом Ткущей Свет. Лучшие охотники Деревни старались отловить Испытуемого, а тотем отобрать. Мохоед держался от охотников подальше — больно страшные. Но раз Старый велит...

После вечерней трапезы Мохоед стал в каменный круг посреди Деревни и вызвался принять Испытание. Старый благословил Увальню принять испытание у Мохоеда. Ближе к ночи Увальня постучал в дерево Мохоеда ногой и сказал:

— Может, без мук?

— Как это?

— Поменяешься с Двухголосыми и бегом ко мне.

— Да почто?

— Отдашь мне, чего выменял. Я тебя даже бить не стану. Зачем тебе муки?

— Нет уж, — свернувшись на подстилке и дрожа всем телом, ответил Мохоед. — Я донесу тотем, и Ткущая Свет уйдет с моего холма.

— Если она тебя послушает, Старый уйдет на Изнанку, а ты займешь его место.

— Пусть так.

— Ничего у тебя не выйдет. Его место займу я.

— Ступай, брат-рыбод.

И Увальня ушел в дом. А его самки сидели у стены и всю ночь пели песню. Пели они душевно, Мохоед чуть не заплакал. Потом соскочил со стены древесной ваты и заткнул ею уши, чтобы не мешали спать. Утром Мохоед выбрался из дерева. Около тропы его ждали Старик и Увальня со своими охотниками.

— Ты взял оружие, Мохоед? — спросил Старик.

— У меня нет оружия.

— Что же ты взял?

Мохоед раскрыл ладони. На них лежала камышовая дудочка. Увальня расхохотался и, вскинув свой костяной тесак, протянул его над головой жутким длинным движением.

— С этим ты хочешь пройти Испытание?

— Да.

Он отвлекся от воспоминаний. Наверняка Увальня оставил на обратной дороге самого слабого охотника, хоть любой в Деревне и так сильнее Мохоеда. Он раздвинул ветки папоротника и глянул вниз на берег. По песку вилась цепочка его следов — никто за ним на этот берег не переходил. Тихо. Оранжевые листья топорчатся под легким ветерком, показывая алую изнанку. Изредка схлопнется хищная пасть цветка, поймав неосторожную мошку. Насекомые вьются над кустами, разрываясь между сладким запахом листы и смертельной опасностью цветов. Справа от тропинки вьются, а слева — нет. «Так и есть, — хихикнул Мохоед. — Увальня поставил на обратной дороге самого глупого. Наверное, Злобня — вечно забывает намазаться пастой, чтобы насекомые его не боялись».

В глубокой прозрачной воде тут и там плавали огромные кувшинки, их поверхность покрыта жгучей, липкой слизью, способной в минуту разесть кожу. Мохоед спустился к берегу и ступил на первый валун. Злобень не станет убивать его на реке. Им ведь надо забрать то, что он выменял у Двухголосых, а если труп свалится в воду — как его вылавливать? Он дошел до середины реки, вдруг взмахнул руками и свалился в теплую воду. Там он кувыркнулся с испугу, взвихрил серебряные, мельтешащие пузырьки и резко, неумело — в его племени вообще никто плавать не умел — поплыл под водой к огромной разлохмаченной кувшинке. Он осторожно

поднырнул под жгучие кувшинки фибры, прижался животом к холодной губчатой изнанке, вложил в губы камышовую дудочку и аккуратно вставил ее в мясистый желтый бутон. Кувшинка содрогнулась, попыталась дудочку вырвать, но скоро смирилась. Уже почти потеряв сознание, Мохоед вдохнул через дудочку пахучий речной воздух.

Злобень вышел из кустов, потрясая копьём. Он долго всматривался в реку, надеясь разглядеть мерзкого Мохоеда. Сунулся было в воду, но поскользнулся на шляпках донных грибов и вылез, покуда не съели. Хорошенько очистив ноги от песка, Злобень побежал в лес. Увальня был недалеко — прятался в кроне дерева у лианного мостика. Неудачливый охотник сначала бежал молча, потом стал выкрикивать на ходу сочиненную песню: «*Вот глупый Мохоед прыгал с валуна на валун. И не знал, что в кустах поджидает его хитрый Злобень. Сильный, как камень, и мудрый, как дерево. Нога Мохоеда сорвалась с валуна. Он, неуклюжий, свалился в реку. И пошел на дно, будто дырявая лодка. А над ним...*» Но дальше Злобень не допел, потому что добежал до засадки Увальня.

— Увальня! Эй! Это я — Злобень!

Из оранжевых зарослей вылетела надкушенная плюква и стукнула Злобню в лоб, забрызгав все лицо клейким соком. В кустах кто-то хрюкнул.

— Я не виноват!

Вторая плюква пролетела мимо головы.

— Он утонул! Я тут при чем?

Третий плод, брошенный ловкой рукой, попал Злобню в Стебель Жизни, да так, что охотник сложился пополам.

— Кто утонул? — зашипел Увальня, дергая Злобню за плечо. — Да уйди с открытого места, не видишь — древесный краб забавляется!

Они забрались в кусты, Злобень отдышался.

— Я думал, это ты в меня кидаешься, решил — виноват я.

— Если ты виноват, Злобень, я тебя брошу в болото Мырсе.

— Не надо к Мырсе!

— Кто утонул?

— Да этот Мохоед. Корячился через валуны, да и бульк в реку! Теперь его сожрали уж.

Увальня посмотрел Злобню в глаза:

— Ты не надуть ли меня решил, а? Может, ты его убил, что надо забрал, а его и в реку скинул?

— Что ты, Увальня! Я же не такой умный, как ты! Я и не додумаясь до эдакого!

— И то верно.

Увальня повернулся в заросли и закричал голодной жабой. Листья раздвинулись, из нее вышли братья Пырло и Мырло.

— Я пойду валуны проверю. Вы тут сидите. Глаз от мостика не отводить. Порву.

— Не отведем.

Править кувшинкой несложно. Щекочешь ее справа — плывет вправо, слева щекочешь — влево плывет, стукнешь в бутон кулаком — замирает. Главная беда — непонятно куда плыть. Не выглянешь ведь. Но Мохоед придумал: надо доплыть до мелководья, где греют на солнце шляпки самые старые донные грибы. Там его Увальня ждать не будет — тропинка проходит совсем недалеко от Болота Мырсы. Ни один охотник к этому месту не сунется. Некоторое время за кувшинкой плыл любопытный ногохват. Попытался сунуть морду к Мохоеду, но обжегся о бахрому жгучих фибр, махнул уродливым хвостом и ушел в глубину.

Мелькнула тень, что-то ударило в кувшинку снизу. Ногохват! Вырвал кусок кувшинкиной плоти и опять ушел ко дну. Догадался, значит, как фибры обойти. Мохоед скосил

глаза: ногохват заглотнул кусок кувшинки, кувыркнулся и атаковал вновь. В этот раз его зубы клацнули у самой шеи Мохоеда. Ногохват — тварь подслеповатая, целится на запах. Вжавшись в мягкую губку, Мохоед торопливо искал выход. Про ногохватов он знал совсем мало — не нападают на мелководье, роют норы под корягами, дышат жабрами. Мелководье! Нет, до него не близко. Тварь надо прогнать. Даже если не съест, наделает в кувшинке дыр, и она утонет — вместе с Мохоедом, понятно. И когда торжествующая морда ногохвата вдруг появилась прямо перед его лицом, Мохоед отпустил дудочку и выдохнул целый рой пузырьков. Ногохват ухнул, дрыгнул ластами, влез носом в жгучие фибры и в три гребка исчез в синеватом сумраке.

Увалень вынул голову из воды и глянул на Злобня:

— Нет его там.

— Сожрали. Ей-ей, сожрали!

Увалень задумчиво облизнулся, вскинул на плечо костяной тесак и пошел вдоль берега.

— Ну чего его искать, Мохоеда этого? Ну чего ради ноги бить?

— Смолкни, дурень.

Охотники вышли на мелководье. Над водой клубились насекомые. Со стороны недалекого болота тянуло гнилью.

— Уйдем отсюда, чего мы тут? Ненароком Хозяин заглянет, а?

Посреди мелководья торчала огромная кувшинка. Увалень всмотрелся внимательнее и удивился — кувшинка была в двух местах прокушена ногохватом. До Холодной Воды еще полгода, а он уже сейчас разум потерял? Увалень втянул ноздрями воздух, упал на грудь и посмотрел на прибрежную траву.

— Злобень!

— А?

— Зови всех. Я знаю, где он.

Мохоеду не везло с самого рождения. Едва мама прикрыла кожистое яйцо с Мохоедом хрустящей листвой, как в гнездо забрался чернец. Мама спряталась в кроне и стала звать папу. Пока тот бежал, чернец съел всех мохоедовых братьев и сестер — последнее яйцо папа вырвал из жадной пасти. Вот и вырос Мохоед без родни — никто за него не заступался, никто его жизни не учил. В отличие от сверстников, Мохоед не любил драться, зато любил задавать взрослым дурацкие вопросы — ох и лупили же его!

Как-то раз, убегая от Старика, Мохоед по неосторожности влетел в ядовитый куст шиполиста. Старик остался на полянке — ругался почему зря и гневно хлопал в ладоши. Делать нечего, пришлось Мохоеду продираться сквозь куст. Раздвинув последние цепкие ветки, он оказался перед высоченным конусом мурашника. Дозорные мурашей протрубили тревогу, и на Мохоеда набросились кусачие и летучие воины. Он закрыл глаза и приготовился к мучительной смерти. Даже один укус мураша был испытанием — судороги, боль, неумная жажда. Два укуса — безумие. Три укуса — смерть. Постоял. Нос зачесался. Открыл один глаз: на земле, образуя идеальный круг, лежали маленькие блестящие трупки. Так Мохоед узнал, что запах шиполиста убивает мурашей. Умереть-то он не умер, а вот нарывами от шиполиста мучился весь сезон дождей.

Едва встав на ноги, Мохоед пошел в лес, поймал гигантского слизня и бросил его в ядовитый куст. Слизень выбрался оттуда и, тихо подвывая, пополз через поляну в рощу млечных деревьев — с их листьев в жаркую погоду капало мутноватое, клейкое молоко. Страдалец как следует вывалялся в лужице, и волдыри исчезли прямо на глазах восхищенного Мохоеда.

Словом, когда Увалень с пятью охотниками ступил на тропу, идущую вдоль Болота Мырсы, Мохоед, грязный и липкий, во-

рошил камышовой дудочкой четвертый мурашник. Крылатые воины огибали его, сбивались в рой и кружились над тропой.

— Попался, — сказал Увалень, ткнув пальцем в лесную прогалину. — Пырло!

Пырло шагнул вперед, достал из поясной сумки деревянный шар, вложил его в пращу.

— В ногу бей.

Шар, фыркнув, пробил листву на волосок от Мохоедовой лодыжки — тот подпрыгнул и спрятался за деревом.

— Увалень, а чего он не бежит, а? — спросил Мырло.

— Ну куда ему бежать? Впереди — засада, позади — засада, а вокруг — болото.

Увалень покрутил головой — его встревожил какой-то незойливый, на самом краю слуха, звук.

— Эй! Мохоед! — крикнул он.

— Чего тебе?

— Положи на дорогу ту вещицу, которую выменял у Двухголосых!

— Зачем это?

— Боюсь — потеряешь. А потом — беги!

— Отпускаешь?

— Нет. Беги, а то тебя убивать не интересно!

— Лучше ты беги, брат-рыбод!

— Слышь, Увалень, — сказал Мырло, — чего это он разговоры разговаривает?

— Спят. Бузуники со страху налопались. Стойте тут — я пошел.

Увалень шагнул к недалекому укрытию Мохоеда, как вдруг Злобень схватил его за руку.

— Эй-эй! У тебя...

— Смолкни.

— Увалень.

— Смолкни — я велел!

— Кажись, у тебя на лбу мураш.

Увалень вытянул губы дудочкой и осторожно дунул на лоб. Мураш грозно затрещал крыльями. Увалень дунул сильнее — тварюшка вцепилась всеми лапками и втянула усики. Охотники смотрели Увальню на лоб. Он раскрыл ладонь.

— Не вздумай...

Рука Увальня мелькнула и звонко хлопнула по лбу — аж крылья брызнули в разные стороны. Тонкий гуд вдруг усилился. Под ветвями стало как-то темнее.

Шурша по листьям, будто невиданный горизонтальный дождь, из кустов вылетела разъяренная стая мурашей.

— Дёру! — пискнул Злобень.

Охотники, не сговариваясь, развернулись и бросились к недалекой реке. Мураши, увлекаемые общим движением, миновали Увальню и полетели вдогонку.

Когда Увалень прибежал к реке, все было уже кончено. Двое охотников лежали на самой границе леса, раздувшиеся и побелевшие от яда. Еще трое сидели на корточках и плакали, как напуганные самки, — спятили. Увалень подошел к самой воде. Из прибрежной тины высовывали головы Злобень и Пырло. Они успели спрятаться от нападения в грязи. Мураши, отогнав и напугав охотников, спокойно возвращались по домам. Кто-то дернул Увальню за ногу. Позади на корточках стоял Мырло и канючил:

— На ручки! Хочу на ручки!

Глаза застлала пелена ярости. Увалень закричал и схватился за тесак.

Он вытер оружие о траву. Лицо, плечи и руки Увальня были забрызганы черной кровью охотников. Злобень и Пырло с ужасом смотрели на него.

— Идем, — бросил Увалень.
Охотники переглянулись. Наконец Злобень решился:
— Боязно нам.
— Что?
— Страшно! Мохоед муравьиное слово знает — они его не трогают.
— Его боишься?
— Да.
— Зря, Злобень. Лучше меня бойся.
— Тебя я, Увалень, тоже ой как боюсь!
— Но не так, как Мохоеда?
— Ну...
— Это ты виноват, — сказал вдруг Пырло, — ты мураша убил. Может, они и не мстили бы нам. Ты. Ты!

Увалень отступил на шаг, вскинул руки и крикнул. Жуткий тесак надвое развалил разговорившегося Пырлу. Увалень отбросил оружие, схватил Злобню за шею и ткнул его в изувеченный труп охотника.

— А теперь?! Теперь, жалкий краб? Кого ты боишься теперь?!
— Тебя!
— Не слышу!
— Тебя! Тебя!! Тебя!!!

По болоту ходить — мертвому быть. Конечно, если не знать тропы. Мохоед потоптался около берега — сзади слышались истошные крики охотников. Поди, не сладко с мурашами сражаться. В болото лезть не хотелось. А может, и не придется? Крики смолкли. Мохоед взобрался на высохшее дерево и глянул в начало тропы — туман заколебался, и вот из него появились двое. Впереди шел Увалень, за ним поспешал Злобень. Значит — лезть.

Мохоед прыгнул с дерева и ступил в теплую вонючую воду — она быстро дошла ему до пояса. Тонкие воздушные корни древесных цветов спускались к самой воде. Мгновение — и Мохоеда не стало видно с тропы. Теперь главное, чтобы его путь не скрестился с дорогой Болотного Мырсы. Мохоед добрал до небольшого холмика, заросшего синими цветами. Он взобрался на спину холма, встал на цыпочки и посмотрел вокруг. Над болотом стоял туман. Слева бухнуло — взорвался спорами гриб, — и опять чавкающая тишина. Мохоед перепрыгнул на ближайшую кочку, с нее на вторую, всмотрелся: по болоту полз слизень. Эти твари всегда держатся подальше от трясины. Мохоед осторожно пошел следом.

Увалень остановился около сухого дерева и посмотрел на болото. Кто-то недавно тут прошел — потревоженная ряска срасталась корнями, быстро затягивая след в черной воде. Увалень повернулся к трясущемуся Злобню.

— Ты! Ступай вперед. На краю болота у тропы стоит дерево — старое, сросшееся из трех. Влезь на него и меня жди.
— Я мигом, Увалень!
— Не называй тут моего имени, дурень!
— Ага.
— Если я выйду, а тебя там не будет — знаешь, что сделаю?
— Знаю, Ув... Знаю!
— Ступай.
— А если...
— Что?
— А если... Ну а если он выйдет?
— Мохоед?
— Да.
— Ха. Ну если так — убей его.
— Понял. Так я пойду?
— Иди.

Злобень припустил по тропе. Увалень посмотрел ему вслед. Радуется, дурень. Радуется, мяса кусок. Под сросшимся деревом — гнездо Мырсы. Пусть как следует полакомится Злобнем. Плотно поест и не станет мешать Уваленью охотиться на своей делянке.

Слизень, погоняемый дудочкой Мохоеда, полз изо всех сил, да все равно медленно. Наконец он остановился, свернулся в студенистый шарик и скользнул в неприметную нору под кочкой. Мохоед немного подождал — может, у него еще какие дела на болоте есть? Может, ему теперь бабушку навестить надобно? Но видать, слизень решил оставить визиты на потом. И на том спасибо, что сюда довел. Мохоед присел на кочку и задумался — может, зря он через болото пошел? Может, надо было по тропе идти? Увалень хитрый — наверняка он и за тропой засаду оставил, так что — нет ему другой дороги. Мохоед достал раковину свистушки, приложил к уху: «Домой, домой, иди домой, туда, где тебя ждут. И я тебя домой доведу, только доверься мне!» Мохоед отер ноги от болотной грязи, почесал спину о корягу и пошел вперед. От коряги отделилась тощая серая фигура, зыркнула тремя желтыми глазами и бесшумно двинулась следом.

С востока донесся испуганный крик — вот Злобень и увидел, каков Мырса. Увалень смело шагнул в воду и резво пошел по уже еле заметной ниточке Мохоеда следа.

Ноги уходили в трясины по колено. Мохоед приметил впереди сухое место и двинулся к нему. Один шаг, второй, а потом нога не нашла опоры — он провалился в трясины по пояс. Мохоед постарался выбраться назад, ухватиться за что-то, но кругом были осклизлые нити бузуники, которые рвались под пальцами. Он и не заметил, как погрузился в болото по грудь. Мохоед сунул в рот дудочку — если что, можно будет дышать некоторое время. Вот тебе и двадцать пузырьков у водомерки! Грязь, там внизу, стала уже ледяной, а дна все нет. Может ли быть хуже? Мохоед поднял взгляд от грязи и понял — еще как может! Припав на корточки, растопырившись на длинных суставчатых ногах, перед ним сидело что-то невиданное, взятое и слепленное из всех страшных снов. Сидело и пристально смотрело тремя выпученными глазами. Мохоед, как мог, отстранился и слабенко — силы улетучились — закричал.

Увалень огляделся — он был на середине болота. Если Мохоед сможет отсюда выбраться, до Деревни ему будет рукой подать. И никакой засады там Увалень не поставил. Да только куда этому хлюпику через болото перейти? Крупный светлячок уселся на локоть коряги, подобрал что-то и хотел было лететь дальше, да Увалень накрыл его ладонью.

— Чего это у тебя? — пробормотал он, выламывая светлячку лапки.

Кусочек оранжевой кожи. Увалень принюхался — кожа тонко пахла мхом. Спинку почесать решил? Вовремя. Он бросил светлячка в рот и разжевал. Вдруг впереди, из-за тумана, раздался печальный, тягучий звук.

— Чего это? А! Ну, Мохоед, совсем из ума выжил!

— Здравствуйте, Хозяин, — прошептал Мохоед. Он не верил, что Мырса понимает речь, да уж больно умными были его глаза. — Я просто мимо шел. Я не враг вам.

Мырса раскрыл перепончатую лапу и не больно коснулся когтем его плеча. Да, совсем не больно. Только плечо сразу онемело. Он переместился поближе и погладил Мохоеда по голове, словно жалея. Туман, клубящийся вокруг, вдруг сделался иссиня-черным, а невнятные узоры на морде Мырсы, которые Мохоед принял за разводы грязи, стали переливаться багровыми узорами.

ФАНТАСТИКА

— Вы мне поможете выбраться, Хозяин?

Мырса вытянул хвост, обвил его Мохоеду вокруг шеи, острожненько сдавил и заглянул в глаза. Коготь снова ткнулся в плечо — сердце заколотилось быстро-быстро, туман окончательно скрыл окружающее болото, а узоры проявили под багрянцем желтый испод.

— Нет!

Мырса снова погладил его по голове и сдавил сильнее, раскрыл тремя лепестками пасть с мелкими зубками, придвинул ее к самому лицу добычи. Мохоед понял, что сейчас умрет, просто не сможет этому помешать, как не могли помешать братья и сестры чернецу. Он сунул в угол рта дудочку, выдул из нее сгусток грязи и заиграл. Это была совсем простая мелодия — под нее укачивали в Деревне малышей. Мырса вздрогнул и отстранился испуганно, даже прикрыл лапой глаза. Болотная жижа дошла Мохоеду уже до подбородка, сердце колотилось меж висков, но он продолжал нехитрое чередование звуков, пока Мырса не протянул к нему все свои четыре лапы.

Увалень крался по болоту, едва не цепляя животом никлую траву. Он выглянул из-за гнилого пня и глазам своим не поверил. В трех шагах от него, на кочке, сидел покрытый грязью по макушку Мохоед. Сидел и дудел дурацкую песенку! Увалень выпрямился во весь рост и шагнул к кочке.

— О, Увалень? А где остальные?

— Не называй моего имени!

Мохоед хихикнул.

— Ты чего, а?

— Я? Да ничего — сидмя сижу, песенки пою.

— Песенки?

— Ага. Тебя поджидаю.

Прямо перед Мохоедом зиял развороченный болотный колодец — глубокий и беспощадный.

— Ты как из колодца выбрался? — спросил Увалень.

Мохоед опять хихикнул.

— Почему тебя мураши не кусали? Слово знаешь?

— Ни к чему это тебе.

— Пусть. Давай сюда.

— Это? — Мохоед разорвал складку на груди и вынул стеклянный шарик.

Увалень протянул руку — забрать, но Мохоед резво спрятал тотем на место.

— Ц-ц-ц! Испачкаешь.

Мохоед не боялся. Он, вечно прятавшийся от Уваленья на деревьях, — не боялся! Охотник взмахнул тесаком, чтобы снести ненавистную хихикающую голову, но оружие вдруг выпало из онемевшей руки. Увалень увидел длинную иглу, торчащую в ладони. На миг ему показалось, что у Мохоеда в руках не дудочка, а метательная трубка, но нет — он безучастно играл, глядя на корягу. Да на корягу ли? Он развернулся на пятках и побежал к берегу. Он бежал, пока не онемели сразу обе ноги, — тогда он пополз. Мырса был тут как тут — увлекшись музыкой, он совершенно забыл про обед.

Мохоед выбрался на тропу. Он еле ноги волок. На его плече лежал тесак Уваленья. Страшно болела голова — наверное, из-за яда Мырсы. Остановившись возле дерева, сросшегося из трех, Мохоед хорошенько отчистил ноги, чтобы не занести в Деревню споры болотных грибов.

С дерева спустился Злобень и осторожно, перебегая через тропу и прячась за деревьями, пошел следом. Три юных охотника, сидящие перед Деревней в засаде, увидев тесак Уваленья, побежали к Старика. Мохоед вышел на середину Деревни, стал в круг из камней и бросил оружие Уваленья наземь. Дюжина самок омыла его душистой водой, которая

собирается после дождя в цветах вьюнка. Мохоед извлек из кожной складки стеклянный шарик и пошел на холм за Деревней, где жила в прозрачном доме Ткущая Свет.

Сам не свой переступил Мохоед ее порог. Дом был полон мертвыми запахами и страшными ритмами Двухголосых. Ткущая Свет оторвалась от своего занятия и показала ему зубы. Мохоед положил перед собой стеклянный шарик — тотем какого-то — может быть, ее? — гнезда. Он достал дудочку и заиграл, временами останавливаясь и говоря нараспев: «Ткущая Свет и Дымящая Воду, послушай мои слова! Ты потерялась в нашем лесу, но я, Мохоед, помогу! Вот лежит гнездовой тотем — возьми же его себе. Он тебя приведет домой — туда, где тебя ждут! Прошу тебя — забирайся скорее в Парящую Раковину. И освободи наш Холм, который ты заняла! Я снова стану растить на нем хлебные грибы. И охотники утратят власть — ее слишком много для них».

От: з. Бетельгейзе, пл. Трайдент, локация 89, Лора Лю.

Кому: з. Солнце, пл. Нептун, ст. «Ни-Хао», Анастасия Чжан.

Милая Настя! Не знаю, что доберется до тебя быстрее — письмо или уже я сама. Мой контракт на Трайденте закончился, завтра отбываю домой. Ну я и дура — мне месяц в карантине сидеть! Тогда — да, письмо ты увидишь раньше.

Эльзе понравился мой отчет по этим ее «биокинетическим группам», обещает в следующем году отправить на Кашель — есть такая планетушка у Ригеля, ну и названьице, да? Честно сказать — я бы посидела дома. Хочется побыть с тобой, с детьми, и еще: когда Челнок входит в потенциальный колодец, мне кажется — умру сию секунду! И еще одно «еще»: надоели биоактивные планеты со своими запахами и карантинами.

Хотя на Трайдент — грех жаловаться. У меня в низинке деревня, я тебе дома голографии покажу. Фрэглы (так называют аборигенов) очень милые и простые. Вообрази — один местный паренек ходит ко мне каждую неделю. Ему нравится смотреть, как я работаю с лазерной голосферой, — прямо глаз не сводит. Придет, усядется в тамбуре и минут десять песни поет — я записывала, потом послушаешь. И все время оставляет подарок: то пустой картридж от станнера, то огрызок карандаша, а в последний раз — стеклянный шарик. Ума не приложу, где он их берет, — тут заповедная зона и пограничники никого не пускают, кроме ученых, но мы не мусорим.

Ну и все, буду собираться. Должна была вернуться раньше, но пришлось задержаться. Трайденту повысили статус — оказалось, что история про «паучий жемчуг» не выдумка. Может быть, ты читала? Местные геологи говорят, что он лечит все болезни. Сначала над ними смеялись, а потом врачи опубликовали статью. Несколько крыс кормили вытяжкой их «жемчуга», и у них остановился процесс старения. Так что у Трайдента большие потенциалы. Жаль, что мой фрэгл не носил мне это сокровище.

До встречи, Настенька, целую тебя и люблю.

